

Памятник vs ветхость: как городские сообщества используют маркеры прошлого в борьбе за «право на город» в Иркутске¹

Дмитрий Тимошкин

Кандидат социологических наук, научный сотрудник

Лаборатория исторической и политической демографии Иркутского государственного университета;
доцент кафедры культурологии и искусствоведения

Гуманитарный институт Сибирского федерального университета.

Адрес: проспект Свободный, 82 а, Красноярск, Российская Федерация, 660041

E-mail: Dmtrtim@gmail.com

В статье рассматриваются конфликты за право присваивать и редактировать сформировавшиеся в XIX–XX веках районы малоэтажной жилой застройки в Иркутске. Цель исследования заключалась в том, чтобы установить, какую роль в этих конфликтах играют представления участников о прошлом оспариваемых пространств, а также — причины и последствия формализации данных представлений. Работа построена на 20 полуструктурированных интервью, проведенных в период с 2017 по 2021 год с участниками и наблюдателями таких конфликтов — архитекторами, общественниками, местными жителями, чиновниками и предпринимателями. Методом исследования стал анализ дискурса. Оспариваемые пространства частного сектора рассматривались как «изменчивый знак» в городской семиотической системе, а нарративы действующих лиц — как конкурирующие дискурсы, стремящиеся зафиксировать ключевой элемент — прошлое. В статье высказывается гипотеза, согласно которой актуализация темы прошлого в пределах городского пространства ставит его в состоянии неопределенности. Это происходит из-за увеличения числа акторов, стремящихся связать с «элементом» прошлого тот или иной смысл. В конфликт включаются аккредитованные государством эксперты, которые, обладая властью формализовать ту или иную интерпретацию прошлого, могут делегировать эту власть акторам, имеющим значительный социальный или финансовый капитал. Последние добиваются формализации выгодной им интерпретации прошлого: фиксация статуса «ветхого/аварийного здания» или «памятника архитектуры» позволяет им определить будущее оспариваемого пространства. При этом наибольшими шансами на успех обладает актер, сумевший мобилизовать максимальный ресурс горизонтальных сетей.

Ключевые слова: прошлое, дискурс, частный сектор, «право на город», «городской политической режим», памятник архитектуры, ветхость

В статье исследуется роль формализации прошлого в конфликтах за «активное право на преобразование города в соответствии с нашими сокровенными желаниями и преобразование себя самих по иному образцу» (Харви, 2008: 92) в районах малоэтажной застройки в Иркутске, где можно встретить старинные купеческие усадьбы, превращенные в общежития, и небольшие частные дома, построенные

---

1. Исследование выполнено в рамках проекта № 20-011-00282 «Частный сектор региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности “негородских” сообществ». Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

в начале — середине XX века. Здесь находятся и типичные для «соцгорода новостройки» (Меерович, 2014): каркасные или брусовые многоквартирные бараки. В городских нарративах эти районы иногда определяют как «частный сектор». Подобные локальности имеют несколько характерных черт. Во-первых, возраст зданий, насчитывающий более полувека. Во-вторых, низкая плотность населения по сравнению с районами многоэтажной застройки. В-третьих, сравнительная неразвитость инфраструктуры — канализации, отопления, водоснабжения.

Районы малоэтажной застройки нередко определяются как неосвоенное пространство, пригодное для осуществления «внутренней колонизации» (Эткинд, 2013). Таким их видят и обычные жители, и представители «городских политических режимов», коалиций «актеров, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющих управление общностью. Они не сводятся к электоральной коалиции, а предполагают более широкий спектр взаимодействия; в них нет очевидной субординации, а важнейшую роль играют неформальные связи» (Ледяев, 2006: 131). «Городские режимы» проявляют более пристальный интерес к подобным местам, если они расположены в пределах вернакулярного центра — пространства, которое считается таковым в представлениях горожан (Калуцков, 2013).

Разные группы могут предлагать различные проекты по «заполнению» частного сектора: политические режимы нередко стремятся «расчистить» его от небольших домов и выстроить на их месте многоэтажные жилые комплексы (Тимошкин, 2020). Другие — напротив, инвестируют в развитие текущей пространственной формы. Нередко позиции акторов совпадают. Например, в те моменты, когда местные жители делают ставку на освоение территорий коалициями мэрии и застройщиков, рассчитывая обменять свои старые и неблагоустроенные дома на новые квартиры. Встречается и иное, когда разные группы стремятся реализовать на одной территории взаимоисключающие проекты. В этом случае возникают конфликты за право определять будущее спорной территории, которые и стали объектом данного исследования.

В подобных противостояниях группы создают нарративы, объясняющие целесообразность своих проектов. Так, городские политические режимы (Пустовойт, 2017: 10) нередко определяют районы малоэтажной застройки как анархическую, плохо поддающуюся контролю маргиналию, не вписывающуюся в то, каким город «должен быть» (Григоричев, 2021), а значит, подлежащую «зачистке». Группы, заинтересованные в сохранении статус-кво, могут описывать их как экологически чистое пространство, возможность жить «на земле», пользуясь доступом к городской инфраструктуре.

Сравнивая город с семиотической системой (Прак, 2018; Лотман, 1996), можно заметить, что старые, малоэтажные кварталы становятся одним из его «привилегированных знаков» (Йоргенсен, Филипс, 2008: 60), вокруг которых организуются локальные дискурсы. Их важность для семиотической системы подтверждается ролью, которую они играют в процессе производства «персональных образов, свя-

занных с какой-либо частью города <...> пронизанных воспоминаниями и значениями» (Линч, 1982). В городских нарративах районы малоэтажной застройки становятся маркером, определяющим то, какие места можно считать «нормальным» городом, а какие — выпадающими за рамки этого определения (Тимошкин, Григоричев, 2022).

Сами по себе такие пространства пусты, подобное отношение к ним нередко фиксируется в городских нарративах или «последовательностях операций, проведенных над и с лексиконом вещей» (де Серто, 2010). Они наполняются содержанием, попадающим в «повестку дня» (McCombs, 2004), когда несколько акторов пытаются реализовать в их пределах альтернативные проекты. Конфликт превращает место в «изменчивый знак», «за который “борются” различные дискурсы, чтобы наделить его значением своим особым способом» (Йоргенсен, Филипс, 2008: 60). «Элементом», или знаком, смысл которого еще не зафиксирован (Там же: 56-59) и за определение которого конкурируют дискурсы, становится локальное прошлое. Акторы — застройщики, бюрократы, предприниматели и местные жители — пытаются превратить «элемент» локального прошлого в «момент», часть знаковой системы, чей смысл зафиксирован и определяется ее соотношением с другими фрагментами. Они делают это, пытаясь закрепить за «прошлым» выгодное и понятное им значение.

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, как актуализация и формализация локального прошлого в ходе подобных конфликтов сказывалась на судьбе рассматриваемых пространств и сообществ. Работа построена на 20 полужформализованных интервью с архитекторами, реставраторами, историками, бывшими муниципальными служащими, арендаторами и собственниками зданий, проведенных с 2017 по 2021 год. Респонденты рассказывали о собственном опыте участия или наблюдения за конфликтами в иркутских районах малоэтажной застройки. Поскольку большинство интервью касалось неформальных (иногда — не совсем законных) практик, для обеспечения безопасности респондентов при цитировании не указываются их личные данные. Упоминаемые в интервью имена чиновников городской администрации, бизнесменов и экспертов, а также названия крупных иркутских строительных компаний сокращались по тем же соображениям.

Формализация «ценного прошлого» и правовой плюрализм

Нормативные акты предлагают два основных способа взаимодействия со старыми малоэтажными зданиями: уничтожение² или реставрацию³. Выбор конкретного способа предполагает маркирование прошлого как «ветхость» или «памятник».

---

2. ГрК РФ Статья 55.26-1. Признание объекта капитального строительства аварийным и подлежащим сносу или реконструкции.

3. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». <https://rg.ru/2002/06/29/pamjatniki-dok.html>

Фиксация значения «элемента» прошлого означает необходимость выполнить по отношению к нему определенные действия. Признание здания «памятником» подразумевает, что его архитектурная форма является репрезентацией ценной культурной памяти и подлежит сохранению, под которым нередко имеется в виду полная консервация. Признание же здания «аварийным» означает, что связанное с ним прошлое не имеет ценности. Или, по крайней мере, что символическая ценность не превышает практических недостатков дома, который поэтому подлежит сносу.

В Иркутске домов, имеющих статус «памятника», сегодня больше тысячи. Респонденты-архитекторы отмечают, что нередко причины присвоения статуса не имеют отношения собственно к «исторической ценности» места. Многие здания в иркутских районах малоэтажной застройки приобрели статус «памятника» по политическим причинам, являясь пространственной репрезентацией сакральных для советской «политической религии» (Джентиле, 2021) событий или стали «памятниками» в конце 1980-х годов по инициативе экспертного сообщества, желавшего таким образом противостоять «ковровой» застройке города типовыми многоэтажками.

Жители некоторых домов, признанных «памятниками», оказались заложниками ситуации: их свобода управлять собственностью существенно ограничена, так как предусмотренный законом порядок действий усложнил использование места.

В: Как он [собственник. — Д. Т.] должен поступить, чтобы отремонтировать забор, если он является частью комплекса?

О: Как можно забить гвоздь в памятник, чтобы не нарушить законодательство по наследию. Я утрирую, но это именно так. <...> Для этого нужно выполнить алгоритм, предусмотренный федеральным законодательством. Нужно получить задание. В органе охраны. Это нервотрепка. Он должен разработать проектную документацию. Это уже не диктуется органом охраны памятника, это отдается на откуп лицензированной организации, которая делает это за деньги. <...> Смета и так далее. После этого надо получить историко-культурную экспертизу. Оплатить троих экспертов, положительное или отрицательное заключение, разрешение, и только после этого приступить к работам. К тому же ты должен по закону нанять только лицензированную организацию, которая вобьет гвоздь».

Присвоение локальному прошлому официального маркера, превращение его в «момент» означает заморозку текущей конфигурации места и действия, что — парадоксально — может привести локальность в состояние большей неопределенности, чем прежде. Жесткие ограничения возможных действий в отношении здания устраивают далеко не всех пользователей. Сложный порядок эксплуатации «памятников», предусмотренный нормативными актами, приводит к появлению специфических практик обхода этих ограничений. Нередко они оправдываются сомнениями в ценности прошлого, которое закон призван зафиксировать, или

несогласием с тем, что это прошлое оказывается важнее интересов собственника здания.

Одним из наиболее распространенных механизмов становится процедура «вывода» здания, лишения его соответствующего статуса. Это означает, что отныне локальное прошлое вновь будет «элементом», выполнение предусмотренных алгоритмов необязательно, место переходит под полный контроль пользователя.

О: Процентов 80–90 [заказчиков. — Д. Т.] агрессивно настроены. Сразу. Они: «Этот памятник у меня вот здесь, но меня заставляют [учитывать связанные со статусом дома ограничения. — Д. Т.]. Помоги мне вывести его из памятников, чтобы не было проблем».

В: То есть самое частое обращение — это вывести из статуса, чтобы...

О: Ну если их заставляют [обращать внимание на предусмотренные статусом памятника ограничения. — Д. Т.]. Если не заставляют — тишина вообще. Что-то внутри там сделают, просябают в этом памятнике. Есть человек в Иркутске, как раз по этой [официально предусмотренной. — Прим. авт.] системе, которую я описал вначале, попытался заказать ремонт фасада. Когда ему все это выкатили, когда его начали волокитить, направлять откровенно в ангажированные организации, где втридорога, уже неприятно.

В превращении прошлого в «элемент» могут быть заинтересованы и крупные застройщики. Для них снятие обременений означает возможность снести старинную постройку и возвести вблизи или вместо нее, что особенно актуально для центральных районов, многоэтажное здание. Для «вывода» дома из статуса памятника может быть достаточно мнения группы аккредитованных Минкультом экспертов, которые принимают окончательное решение о том, в какой форме — «момента» или «элемента» — существует локальное прошлое. В силу того, что абсолютного стандарта, позволяющего без сомнений ценить одно прошлое и отрицать другое, не существует, эксперты нередко идут на компромиссы между нормой и потребностями пользователей.

О: Многим застройщикам выгодно избавиться от статуса памятника, потому что они хотя бы смогут этот дом... Необязательно [снести. — Д. Т.], но они хотя бы смогут его отреставрировать, отремонтировать без этих многоэтажных согласований. <...> У них есть резон заплатить эксперту какую-то денежку и не выкидывать потом миллионы на проекты реставрации. <...>

В каждом случае, когда идет вывод, это очень индивидуальное решение. Например, есть дом. Но он сгорел. Там нечего восстанавливать. Или, наоборот, восстановление потребует очень больших ресурсов, а это дом культуры, который совершенно типовой. Да, он числится как памятник, но таких по стране реально еще 30 штук, а этот убитый в хлам. И чтобы его восстановить, нужно туда вбухать десятки миллионов, и вот возникает вопрос, стоит ли эта память того, чтобы ее такими усилиями сохранять.

Возможно, именно из-за индивидуального характера таких решений часть респондентов упоминает о жестких ограничениях, полностью исключающих ка-

кие-либо возможности использовать «памятники», другие же утверждают, что никаких трудностей статус «памятника» для них за собой не повлек. В отдельных ситуациях эксперты буквально вынуждены идти на компромиссы, чтобы сохранить здания, которые, с их точки зрения, являются ценностью. Жесткость нормативных актов, определяющих порядок допустимых действий в отношении объявленного ценным прошлого, иногда приводит к потере здания. Так, собственник может сжечь дом, если поймет, что построить новый дешевле и проще, чем восстанавливать старый. В таких ситуациях эксперты могут по собственной инициативе разрешать пользователям действия, которые законом смещены в область «значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значения» (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 58), или закрывать на них глаза.

В: То есть, получается, если живешь в памятнике, ты с ним ничего не можешь сделать без согласования со службой?

О: По-хорошему, если все законно — нет, не можешь. <...> Это сделано для того, чтобы люди не творили, что попало, <...> Ты не можешь отремонтировать, покрасить фасады своего дома, потому что, согласно закону, должны разрабатываться паспорта покраски памятников. Но на самом деле этого нет...

В: В смысле?

О: Ну нет этих паспортов покраски, они есть только на самые значимые объекты — театры там, может быть, музеи. <...> Если [дом] сам по себе не особо-то привлекателен, архитектурной ценности в нем очень мало, но он связан с именем какого-то чувака очень известного, какого-то революционера... И в советское время было очень много таких вот домов, которые как бы... Теперь памятники, а на самом деле обычная избушка, она рядовая, аналогов таких домов ты найдешь сколько угодно, и у нас в городе, и в соседних городах. А ты, по идее, его даже покрасить сам не можешь. Но на практике это все стараются как-то учитывать, входить в человеческое положение, смотреть, чтобы... <...> Стараются находить какие-то компромиссы, просить людей соблюдать хотя бы ту часть, которая имеет значение. <...> Если упираться просто в принципиальное противодействие, мы будем приходить к тому, что мы имеем: жжется все подряд, просто по принципу [сжигать] то, что доступно сжечь, то, что нужно освободить конкретно под строительную площадку.

По нормативным актам защита здания подразумевает консервацию его облика, что предполагает выполнение собственниками четких и подробных алгоритмов действий в случае, если ему нужно совершить даже самые незначительные манипуляции. На практике, как видно из интервью, формализация локального прошлого не столько позволяет зафиксировать спектр значений и действий, допустимых в отношении места, сколько размывает право определять его.

В процесс, помимо собственника, включается как минимум экспертное сообщество, а в некоторых случаях, как будет показано ниже, — городской политический режим. Эксперты становятся промежуточным звеном между предумо-

тренным законодательством алгоритмом и каждым отдельным собственником, каждым отдельным зданием. Осознание несоответствия между идеалистическими требованиями закона и сложностью каждой отдельной ситуации вынуждает их искать компромиссы, поддерживая возникающую в результате ситуацию правового плюрализма (Эрлих, 2011), которой, в свою очередь, пользуются городские политические режимы, имеющие достаточные для этого ресурсы и информацию.

«Памятник архитектуры» как инструмент приватизации пространства

Примером использования городскими режимами ситуации правового плюрализма для «освоения» города может считаться кейс Агентства развития памятников Иркутска (далее АРПИ). Учрежденная городской администрацией в 2012 году, организация стала посредником между муниципалитетом и инвесторами. Город передавал ей дома в аварийном состоянии, агентство же отвечало за поиск инвестора и контроль за производством реставрационных работ. Инвестор, отремонтировав дом, что подтверждалось актом выполненных работ, подписанным АРПИ, получал его в собственность. Понимая сложность предписанных законом о памятнике алгоритмов, агентство привлекало инвесторов тем, что закрывало глаза на отступления от него.

О: АРПИ это как бы опт. <...> Ты покупаешь дом двухэтажный, допустим, двести квадратов. И когда ты реставрируешь, ты однозначно цоколь и этаж увеличиваешь минимум в два раза. Плюс пристрой, плюс еще отдельное здание на участке. То есть на самом деле ты получаешь [задешево. — Д. Т.] достаточно большой объем фонда капстроя, с учетом даже того, что это реставрация. <...> Потом есть еще одна такая хитрость, которая позволяет через АРПИ тоже идти. Тема поблажек при реставрации объекта, в частности — противопожарных и санитарных норм. Если это объект наследия, ты имеешь право от этих норм отклоняться. Ну как, не совсем во все тяжкие не соблюдать, ты имеешь право применять специальные технические решения. На обычной стройке тебе никто не позволит их применять. <...> То есть, с одной стороны, у тебя куча ограничений, связанных с сохранением предмета охраны. А предмет охраны — это обычно внешний облик объекта, который тебе еще на руку. Ты сохраняешь, то есть внешний облик объекта, и все идут и говорят — ептыть, как классно, как красиво.

Компромиссы вполне допускали перестройку дома при сохранении некоторых декоративных элементов, которые обеспечивали необходимый символический контекст, они были выгодны всем участникам сделки. Здания оставались малоэтажными, сохраняли более-менее приближенный к изначальному облик и при этом соответствовали поддерживаемому городской администрацией образу «парадного центра».

АРПИ планировалось как механизм производства компромиссов между образом «правильного исторического» города, наполненного «ценным прошлым», зафиксированным в нормативных документах, и интересами проживающих здесь

групп. Возможностей воспользоваться этим механизмом оказалось непропорционально больше у представителей местного «режима контроля», или «комплекса формальных и неформальных договоренностей, направленных на концентрацию и удержание всех типов властных, учитывающих, что при реализации интересов членов коалиции вполне допустимо нарушение безличных норм» (Пустовойт, 2017: 10). По словам респондентов, АРПИ упростил городским режимам задачу превращать прошлое в «момент» или «элемент» по собственному усмотрению, используя это для приватизации вернакулярного центра.

Через организацию прошло более трех десятков зданий, причем качество реставрации было в отдельных случаях спорным, а механизм выбора инвестора, судя по наблюдениям респондентов, довольно непрозрачным. Инвесторами становились представители городского режима, которые получали в свое распоряжение значительные земельные участки в центре за бесценок, пользуясь поблажками при проведении реставрационных работ. Компромиссы между организацией и инвестором заходили настолько далеко, что последний мог просто проигнорировать предписания АРПИ по восстановлению здания, ограничиваясь имитацией.

Так, один из респондентов арендовал у инвестора АРПИ, местного депутата, старинное здание в центре Иркутска. Он рассчитывал монетизировать зафиксированную законом о памятниках значимость локального прошлого, организовав в доме гостиницу. Расчет оправдался: «исторический» облик дома и качественная отделка, в которую респондент вложил немалые средства, привлекли множество туристов. Инвестор гарантировал, и это подтверждалось актом приемки дома, подписанного руководством АРПИ, что все обязательства, предписанные регулятором, выполнены, дом прошел через капитальный ремонт и пригоден для использования.

По словам респондента, в первую же зиму выяснилось, что у дома отсутствовала одна из несущих стен (вместо нее был сколоченный из досок муляж), не было фундамента, отмостки, хотя по актам, подписанным руководителем АРПИ и собственником, все эти работы были сделаны. Зимой здание промерзло, весной его топило талыми водами. Арендатор покинул его разоренным. Собственник же подал запрос на лишение постройки статуса памятника, а затем выставил ее на продажу. В единственном объявлении⁴, которое удалось отыскать в Сети, дом с участком оценивается в двадцать пять миллионов. Как утверждает респондент-арендатор, АРПИ уступило все за три миллиона триста тысяч. Позже объект был снят с продажи, а инвестор получил под него банковскую ссуду.

Респондент-арендатор считает, что подобное было бы невозможно без тесных неформальных контактов между инвестором, руководством АРПИ и ведомствами, отслеживающими соблюдение охранного законодательства. Без них собственник бы не смог пройти процедуру приемки, проигнорировав ключевые предпи-

---

4. <http://www.poni38.ru/rsearch/details.aspx?id=36683>

санные службой работы, не смог бы нанять для выполнения работ неформальные трудовые коллективы, вероятнее всего, не имеющие необходимых лицензий:

О: То есть как только завершён ремонт, он [дом. — Д. Т.] тут же сдал, но никакой процедуры приемки не было. Он просто объект сдал, без всякого контроля со стороны.

В: А как так вышло, что его приняли [не учтя многочисленные нарушения. — Д. Т.]?

О: А это большой вопрос к архивам ЦСН [Центра сохранения наследия, подразделения Службы по охране памятников. — Д. Т.], тому, кто ставил подпись приемки. <...> По сути, я сделал [внутренний. — Прим. авт.] ремонт, а он выкрасил фасад. Дом приняли АРПИ и ЦСН, потом он [собственник. — Д. Т.] начал процедуру вывода из памятников. <...> Вот смотри, вот заказчик [респондент показывает подпись собственника на документе с просьбой лишить дом статуса памятника. — Д. Т.]. В старом документе стоит имя заказчика — живого человека. В новом, точно таком же документе [который респонденту позже предоставили в ЦСН. — Д. Т.] стоит уже заказчик — ЦСН. То есть как-то так магически вышло, что имя заказчика в одном и том же документе поменялось на ЦСН. Если что, крайним остается ЦСН. <...> А теперь там, на задворках, строится новый торговый центр. Там плита лежит, два этажа отлито бетоном.

Все попытки арендатора вернуть деньги ни к чему не привели, инвестор отвечал отказом на просьбы компенсировать средства, потраченные на внутреннюю отделку здания, или хотя бы устранить ключевые недостатки. Обращения в местную полицию, прокуратуру и суды не привели ни к чему. По мнению респондента-арендатора, это объясняется интегрированностью инвестора в «режим контроля», обширными связями с высокопоставленными сотрудниками прокуратуры, судейскими, полицейскими чинами. Вероятно, инвестор имел связи и в АРПИ, так как агентство арендовало офис в принадлежащем ему здании.

По словам респондента-арендатора, подобное происходило с объектами АРПИ неоднократно. В частности, упомянутый выше инвестор использовал предлагаемый агентством алгоритм по выкупу памятников, получая в придачу к зданиям обширные участки в самом центре, еще как минимум один раз. В одном из интервью общая стоимость таких участков оценивалась более чем в миллиард рублей. Тот же инвестор выкупил под реставрацию у АРПИ бывшую усадьбу иркутского купца Жарникова. В здании находился детский сад, земля имела соответствующее обременение, которое при передаче дома АРПИ исчезло. Поводом для передачи дома инвестору стало его плачевное состояние и непригодность для размещения в нем образовательного учреждения (хотя некоторые респонденты утверждали, что проблема была, мягко говоря, преувеличена). Выкупив дом, инвестор отреставрировал его, позже там появился ресторан, а затем — консульство Китая. Рядом с памятником было построено офисное здание.

Правовой плюрализм отчасти компенсирует жесткость нормативных актов, регулирующих маркирование локального прошлого и связанные с ним допусти-

мые конфигурации места и действия. Он дает возможность эксперту и жителям таких зданий находить компромиссы, позволяющие сохранить дом и при этом использовать его по назначению. С другой стороны, он ставит локальное прошлое в сильную зависимость от субъективных решений экспертного сообщества. Возможность «купить» мнение эксперта или надавить на него открывает представителям городского режима, в данном случае застройщикам и муниципальной бюрократии, широкие перспективы для использования формализации локального прошлого как обоснования для реализации выгодных его членам проектов. Необходимо отметить, что эксперты далеко не всегда выступают на стороне политического режима, что, впрочем, подтверждает предположение о степени их влияния на процесс.

О: Иногда назначаются исторические границы [пространство рядом с зданием-памятником, которое подпадает под действие охранного законодательства. — Д. Т.], иногда, если ты смотришь и видишь, что это реально жилой дом, хозяйствование продолжается. Вот ты назначишь всю усадьбу памятником, а люди там элементарно сортир деревянный себе не смогут поставить. <...> И ты назначаешь какие-то минимальные границы, чтобы и дом сохранили, и чтобы людям сильно бы жизнь не отравили. Иногда ты, наоборот, смотришь такой — о! — нихрена, что-то какой-то участок большой освобождается и что-то стоянок там много вокруг, явно там собираются что-то строить, расчищают прямо. Ты такой — нет, нет...

В: Прости, а парковка — это такой симптом приближающейся стройки?

О: Очень часто. И ты такой, наоборот, нарежу-ка я побольше кусочков таких, маленьких, чтобы нигде нельзя было воткнуть такую большую жирную корову [многоэтажное здание. — Д. Т.], здесь, здесь, здесь, которая потом испортила бы облик.

Предположительно, возможность превратить прошлое в «момент», временно зафиксировав связанную с ним конфигурацию места и действия, заручившись лояльностью экспертов, позволяет муниципальной бюрократии монетизировать свой статус. Используя организации наподобие АРПИ, бюрократия заключает полформализованные сделки с крупными предпринимателями, дающие последним привилегии при перераспределении городских земель.

Один из респондентов упоминал, что «НГ», крупный иркутский застройщик, платит за лояльность бюрократии тем, что предоставляет сотрудникам местной администрации скидки на квартиры в домах, возведенных на «расчищенных» при их помощи территориях. Фактически маркирование локального прошлого рассматривается городским режимом контроля как источник ренты, перераспределяемой между бюрократией, застройщиками и лояльными экспертами.

О: Вот когда с моста съезжаешь на Сурикова [улица в центре Иркутска. — Д. Т.] только. Когда ты восстанавливаешь там дом Метелева [здание-памятник в Иркутске, бывшая купеческая усадьба. — Д. Т.], и во дворе этого дома вырастает 5-этажное жилое помещение. Как мне сказали, это была пакетная договоренность.

Что мужики не восстановят этот дом, если им не разрешат построить 5-этажный.

В: Многого решается, я так понимаю, [в Иркутске] тем, что у нас застройщики сидят в Думе?

О: В Думе, в мэрии... <...> Мэр [Иркутска] — человек «НГ» [крупная строительная фирма в Иркутске. — Д. Т.]. Вопросы надо дальше задавать? Кто сегодня главный архитектор города?

В: Я не знаю.

О: Откуда ж вам знать. Он был главным архитектором в «НГ». <...> У нас в городе несколько строительных мафий, но сегодня власть захватила одна. <...> Стоит деревянный дом, ты приходишь и говоришь — хочу привести в порядок. А потом начинаются игры. Один этаж вниз или два, вверх пристроим полтора этажа или два. То есть если домик этот был, например, 80 квадратных метров, давайте сделаем ему еще 120 квадратных летней веранды.

Статус «памятника» становится инструментом, с помощью которого одно из городских сообществ заявляет о своем праве определять допустимую в его отношении конфигурацию места и действия. Неформальные договоренности между экспертами, муниципальной бюрократией и застройщиками, составляющие «городской режим», позволяют произвольно менять позицию локального прошлого с «элемента» на «момент». Признание постройки «памятником» создает ситуацию, благоприятную для смены собственника, «выведение» — игнорировать возникающие обременения. Де-факто формализация прошлого в условиях «режима контроля» может означать присвоение вернакулярного центра влиятельной группой в том случае, если последняя имеет возможность обеспечить лояльность действующих от имени государства экспертов.

Парадоксально, но формализация локального прошлого превращает само жилое здание и связанную с ним историю в «изменчивый знак». Если раньше значение постройки и совокупность связанных с ним действий определял собственник, то теперь его право начинает оспаривать государство, представленное экспертами. Наделяя здание статусом, государство фактически создает иерархию эпизодов прошлого, размещая на самом верху один из них, связанный с какой-либо значимой исторической личностью или периодом. Тщательно охраняя лишь один, существующий только в коллективной памяти эпизод, нормативные акты делают незначительными все остальные. Эту ситуацию пытаются оспорить собственники зданий, из-за нее же эксперты вынуждены постоянно идти на компромиссы, которые используют «городские режимы».

Принудительная «аварийность»: отрицание прошлого как способ осуществления «права на город»

«Ветхость» или «аварийность» можно считать альтернативным способом дискурсивного маркирования локального прошлого. Методическое пособие по содержа-

нию и ремонту жилищного фонда МКД 2-04.2004, утвержденное Госстроем РФ», определяет «ветхость» как «состояние, при котором конструкции здания и здание в целом имеет износ: для каменных домов — свыше 70%, деревянных домов <...> — свыше 65%, основные несущие конструкции сохраняют прочность, <...> однако здание перестает удовлетворять заданным эксплуатационным требованиям». Аварийность определяется как состояние несущих конструкций, при котором они «имеют сверхнормативные деформации и повреждения, потеряли расчетную прочность и без принятых мер по укреплению могут вызвать аварийное состояние жилого помещения или всего жилого здания и представляют опасность для проживающих». Маркирование постройки как «ветхой» или «аварийной» означает незначительность прошлого, которое оно репрезентирует, по сравнению с неудобствами или рисками для жильцов и предполагает его уничтожение. Статус «памятника», напротив, ставит символическую ценность здания выше нужд и безопасности людей, которые в нем проживают.

Решение о признании дома аварийным или ветхим также принимается специально создаваемой для таких случаев межведомственной комиссией. В нее входят эксперты комитета по градостроительной политике, управлений ЖКХ округов, комитета городского благоустройства, аппарата администрации и другие. В отличие от случаев с памятниками, здесь инициатива может исходить только от собственников зданий. Для того чтобы признать дом «аварийным» и не пригодным для проживания, владельцы должны обратиться в городскую администрацию с просьбой создать экспертную комиссию, которая рассмотрит состояние дома. Комиссия проводит обследование и выносит вердикт.

Если признание дома аварийным соответствует интересам собственников, главной проблемой становится долгое ожидание расселения или несоответствие альтернативного жилья их пожеланиям. Де-юре признание здания ветхим всегда должно происходить в интересах жителей. Де-факто, как и в случае с «памятниками», эксперты, действующие под давлением или в союзе с «режимом контроля», могут использовать «аварийность» в качестве инструмента захвата городского пространства. Респонденты, проживавшие в малоэтажных районах, в которых разворачивались противостояния за «право на город», упоминали несколько способов использования статуса «аварийности» городскими режимами. Так, муниципальная бюрократия, действуя в союзе с крупными застройщиками, может эксплуатировать национальный проект «жилье и городская среда», нацеленный на переселение людей из ветхого и аварийного жилья:

О: Все они — братва этого Б [бывший иркутский мэр. — Д. Т.]. <...> Нам судья сказал — «К» [иркутская строительная фирма, выполнявшая крупные муниципальные подряды. — Д. Т.] отмывала деньги застройки аварийного и ветхого жилья. Они делают как. Деньги перечисляют застройщику. <...> Дескать, они на [расселение. — Д. Т.] трех квартир потратили 15 миллионов рублей. А там ку-

пили две «двушки», стоимостью около трех миллионов, и одна «трешка», за два миллиона. <...> Я не знаю, как другие застройщики, но вот эти, которые застраивают район Мухиной, — они все бывшие работники [городской администрации. — Д. Т.]

«Аварийность», как и «памятник», используется «режимом контроля» для того, чтобы превращать городское пространство в «элемент», противопоставляя выгодные его членам проекты проектам собственников. По словам респондентов, подобные практики становятся возможными благодаря неформальным договоренностям между экспертами, застройщиками и муниципальной бюрократией. Устойчивость таких союзов обеспечивается за счет того, что одни и те же люди постоянно переходят из руководства крупнейших строительных компаний и экспертных организаций в иркутскую мэрию и обратно.

В результате городом управляют бывшие застройщики, а строительными компаниями — бывшие сотрудники мэрии или эксперты. Председателями комитетов по градостроительной политике становятся вчерашние руководители строительных компаний, руководители частных проектных институтов — заместителями мэра по градостроительной политике. Зятья крупнейших застройщиков получают должности вице-мэров, сам градоначальник приходит на свой пост, покинув директорское кресло «Ассоциации застройщиков». Неформальные связи, соединяющие воедино бизнес, экспертов и бюрократию, позволяют использовать крупные, в том числе и федеральные, проекты в качестве эвфемизма, прикрывающего захват и «освоение» городских пространств.

Примером, иллюстрирующим тактику использования «режимом контроля» маркера «аварийности» для присвоения территории, может послужить кейс иркутского вернакулярного района «Поселок гидростроителей». Район застроен небольшими многоквартирными зданиями. Здесь имеется довольно развитая инженерная и социальная инфраструктура, рядом транспортная развязка. Место считается весьма привлекательным для жизни, экологически чистым, неподалеку находятся пляж и лес. Мне удалось взять несколько интервью у местных жителей, столкнувшихся с попыткой захвата их домов городским режимом.

«Поселок гидростроителей» атаковали несколько раз, начиная с 1995 года, пытаясь под разными предлогами расселить тех, кто там жил, снести их дома и застроить район элитным жильем.

О: Новые дома видели у нас? Там была спортивная площадка и два дома деревянных. Один дом подожгли вместе с людьми ночью, люди прыгали со второго этажа. А второй дом, пятый, они его подтопили. Подтопили и снесли. И поставили эти новые дома. И нас хотели так же. Пытались нас поджечь и подтопить. <...> Мы писали открытое письмо, в котором прямо указывали, что это поджог, организованный «ИЭ», застройщиком [речь идет о действующей по сей день крупной региональной энергетической компании, которая, помимо прочего, занималась строительством. — Д. Т.]. <...> Дверь была снаружи заперта, люди не могли выйти через дверь, прыгали с этажей. Подперли дверь.

Застройщика жителям удалось остановить, организовав кампанию в СМИ, а также — написав коллективные обращения во все инстанции вплоть до Администрации Президента. Следующая попытка, инспирированная, как утверждают респонденты, действующим в тот момент мэром Иркутска, случилась в 2015 году. По словам моих собеседников, градоначальник приехал в местную школу на официальное мероприятие, оценил расположение района и тут же, в разговоре с кем-то из приближенных, объявил о своем желании застроить его элитным жильем.

Разговор случайно подслушал школьный учитель, который сообщил об опасности соседям. Уже зная по опыту, чем может обернуться внимание со стороны «городского режима», собственники зданий стали оформлять права на землю, чтобы обезопаситься от поджогов. Через некоторое время на домах появились объявления, в которых жителей уведомляли о проведении собрания по вопросу расселения и сноса их домов, признанных аварийными.

Перед встречей по домам пробежал застройщик, с тем же секретарем комиссии...

В: А застройщик кто?

О: Застройщик должен был... «РБ» [действующая по сей день в Иркутске строительная компания. — Д. Т.]. И, значит, он говорит: давайте, напишите нам письма, что ваши дома аварийные, и мы вас снесем. <...> Я говорю: вы че? Мы че, сумасшедшие, что ли? А нас вы куда заселите? «В Новоленино [район на окраине Иркутска, считающийся не очень удобным для проживания. Именно там управление капитального строительства возводило дома для многих вынужденных переселенцев. — Д. Т.]».

Я говорю, нет, спасибо! Давайте отсюда, пока мы вас в прямую не затолкали. Мы за шиворот его выкинули.

На собрании, на котором присутствовал представитель межведомственной экспертной комиссии и местный депутат, выяснилось, что решение о признании домов аварийными уже принято, без согласования с собственниками. Муниципальная межведомственная комиссия провела экспертизу и признала одно-моментно более десяти домов аварийными и подлежащими сносу. Параллельно, по аналогичному сценарию, признавались аварийными целые кварталы в соседних районах.

Решения принимались комиссией без необходимого в таких случаях обращения от собственников зданий. Это было нарушением формального алгоритма, поэтому представители «городских режимов» пытались получить обращения жителей задним числом, запугивая и подкупая лидеров местных сообществ — старших по подъезду, глав ТСЖ и ТОС. Депутаты и эксперты пытались заставить их повлиять на соседей, чтобы те все-таки составили прошения о признании домов аварийными. Взамен лидерам предлагали квартиры в новостройках, которые должны были появиться на месте их разрушенных домов. Другие жильцы в договоренность не входили — им предстояло переселение на городские окраины.

На других территориях муниципальные депутаты и представители межведомственной комиссии на встречах с местными жителями пытались обманом подսунуть последним на подпись прошения о проведении экспертизы домов.

О: На собрания трижды они [депутаты и представители межведомственной комиссии. — Д. Т.] нас приглашали конфликт миром решить. Говорят: вот, мы не можем отменить решение градостроительного комитета и мэра города, поскольку уже есть указ. <...> И нам раздают заявления о том, чтобы мы написали, представители домов, чтобы нам сделали экспертизу. Я говорю: «Здрасьте! Это с какой стати? Эту вашу экспертизу <...> мы в суде разобьем, а если мы напишем это заявление, то вы нам такую экспертизу сделаете, что нас с МЧС в три дня погрузят и вывезут кого куда насильно (смех)».

Жители «поселка гидростроителей» затребовали и изучили экспертные заключения по всем 16 домам и нашли множество оснований, чтобы их оспорить. Один дом был признан «аварийным» на основании фотографии трещины на штукатурке фасада. К экспертному заключению по другому дому прилагались фотографии, вообще не имеющие к нему никакого отношения. Третий экспертный акт описывал аварийное состояние кровли дома, который недавно прошел через капитальный ремонт. Судя по всему, комиссия оценивала состояние этих зданий, не покидая кабинетов.

Мэрия и застройщики, формализовав локальное прошлое, превратили его в «изменчивый знак». Опираясь на экспертов, они попытались оспорить значения, которые с «поселком гидростроителей» связывали жители, и навязать альтернативные, отрицающие ценность места. Как и в случае с «памятниками» в предыдущем разделе, маркирование прошлого было использовано «городским режимом» для захвата и монетизации пространства. Респонденты упоминали, что строительные компании предлагали компенсацию за их жилье из расчета около сорока тысяч рублей за квадратный метр. Сегодня квартиры в возведенных рядом с «поселком гидростроителей» новостройках стоят около 100 тысяч рублей за метр.

Дело «поселка гидростроителей» закончилось в суде, который посчитал незаконными все 16 актов о признании домов аварийными, подготовленных администрацией. Проиграв суды первой инстанции, юридический отдел мэрии попытался опротестовать решения и вновь проиграл. Для того чтобы максимально усложнить такие атаки в будущем, местные сообщества инициировали процедуру о признании своего жилья памятниками. Их просьбу удовлетворили и теперь район считается, как выразился один из респондентов, «исторической застройкой». Местное сообщество победило в борьбе дискурсов, определив ключевой элемент «прошлое» «поселка гидростроителей» как «историческую ценность».

Некоторые респонденты предположили, что победа была обеспечена наличием у местного сообщества обширных социальных связей, которые позволили им заручиться поддержкой губернатора, медийной поддержкой, помощью бывших депутатов Государственной Думы. Немаловажным было и наличие в местном сообществе профессиональных юристов. Городской режим атаковал сообщество,

которое обладало обширным социальным и политическим капиталом и смогло его мобилизовать. Сообщество было осведомлено о механизмах функционирования и внутренних противоречиях городского режима в том числе и потому, что некоторые местные жители имели возможность годами наблюдать его изнутри.

Заключение

Рассмотренные здесь примеры показывают, что актуализация локального прошлого в постсоветском городе может означать превращение места в «элемент» — полисемичный знак. В тот момент, когда запускается процесс формализации прошлого, будущее локальности может становиться все более непредсказуемым. Это может быть обусловлено невозможностью на уровне федерального законодательства предусмотреть каждую потенциальную ситуацию, связанную с эксплуатацией «памятника» или «аварийного» здания.

Окончательное решение принимает экспертное сообщество, причем эксперты вынуждены брать на себя огромную ответственность и учитывать специфику каждой конкретной ситуации, самостоятельно определяя алгоритмы действий и пределы допустимого. Экспертное сообщество признает пространственную репрезентацию прошлого «памятником», ставя символическое содержание выше состояния инженерных конструкций, или же, напротив, ставят материальное состояние на первое место, объявляя здание «аварийным». В обоих случаях решение определяет и будущее места, так как каждое из них предполагает выполнение определенного алгоритма. Правовой плюрализм приводит к тому, что заинтересованные акторы могут повлиять на решение эксперта или проигнорировать его, причем такие возможности распределены неравномерно. По крайней мере, в рамках упомянутых респондентами ситуаций городской режим имел гораздо более обширный арсенал для воздействия на экспертов.

Актуализация темы прошлого места означает потенциальное увеличение количества дискурсов, стремящихся определять его значение: в процесс, помимо местных сообществ, включаются как минимум эксперты, а в случае развития конфликта — муниципальная бюрократия, застройщики, суды и журналисты. Фактически в таких дискурсивных противостояниях решается вопрос о том, что является для конкретного города ценностью. Из чего будет состоять локальная «культурная память» (Ассман, 2004: 40)? Что достойно репрезентировать прошлое этого места и проживающих в нем сообществ, а что — нет? И, наконец, какие сообщества могут влиять на эти процессы? Пример Иркутска показывает, что ответы предоставляет актор, сумевший, используя горизонтальные сети, мобилизовать максимальный политический и социальный капитал. «Слабые связи» (Грановеттер, 2009) делают возможным конвертирование капиталов в доступ к экспертному мнению, публичности, расположению бюрократов и силовиков. Это, в свою очередь, определяет доминирующий дискурс, а значит, превращение прошлого из «элемента» в «момент». Конечно, выводы статьи не претендуют на то, чтобы выходить за рам-

ки рассмотренных кейсов. Для того чтобы определить, являются ли приведенные здесь примеры аномалией или типичной репрезентацией процесса приватизации «постсоветского» города, необходимо куда более обширное исследование.

Тем не менее рассказы респондентов позволяют высказать гипотезу, согласно которой «культурная память» и ее пространственные репрезентации (Лоуэнталь, 2004) в постсоветском Иркутске становятся продуктом его сетевой организации (Барсукова, 2000), в которой гораздо большим весом обладает городской политический режим. Сетевая организация буквально воплощается в социальной и пространственной структуре города. Внешний облик, технологии, этажность, население, предназначение целых кварталов напрямую зависят от того, какой дискурс победит в неформальном противостоянии и будет задавать значение и коннотацию прошлого. Появится ли на месте того или иного района многоэтажный жилой комплекс, или же место будет признано частью значимой для коллективной идентичности «истории» — это в немалой степени результат способности транслирующего тот или иной дискурс актора мобилизовать сетевой ресурс.

Литература

- Ассман Я. (2004). Культурная память. М.: Языки славянской культуры.
- Барсукова С. (2000). Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. Т. 9. № 1. С. 52-68.
- Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31-50.
- Григоричев К. В. (2021). Двойник-невидимка российского города: «частный сектор» между слободой и внутренним пригородом // Ойкумена. № 1. С. 7-18.
- де Серто М. (2010). Призраки в городе // Неприкосновенный запас. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html>
- Джентиле Э. (2021). Политические религии. СПб.: Владимир Даль.
- Йоргенсен М., Филлипс Л. Дж. (2009). Дискурс-анализ. Теория и метод Харьков: Гуманитарный центр.
- Калуцков В. Н. (2013). О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. № 2. С. 3-9. URL: <https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/68> (дата доступа: 19.11.2020)
- Ледяев В. (2006). Социология власти: теория городских политических режимов // Социология власти. № ¾. С. 46-68.
- Линч К. (1983). Образ города. М.: Стройиздат.
- Лотман Ю. М. (1996). Внутри мыслящих миров. М.: Языки славянской культуры.
- Лоуэнталь Д. (2004). Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль.
- Меерович М. Г. (2014). Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета.
- Прак Н. Л. (2018). Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории. М.: Дело.

- Пустовойт А. (2017). Городские политические режимы // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. № 3. С. 9-16.
- Тимошкин Д. (2020). «Вас здесь больше не живет»: внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа // Политика. № 1. С. 98-116.
- Тимошкин Д., Григоричев К. (2022). «Частный сектор» в семиотической системе «постсоветского» города // Ойкумена. № 2. С. 138-151.
- Харви Д. (2008). Право на город // Логос. № 66. С. 80-94.
- Харви Д. (2018). Социальная справедливость и город. М.: НЛО.
- Хлопин А. Д. (2014). Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // Полис (Политические исследования). № 6. С. 6-15.
- Эрлих О. (2011). Основоположение социологии права. СПб.: Издательский дом СПбГУ.
- Эткинд А. (2013). Внутренняя колонизация. М.: НЛО.
- McCombs M. (2004). *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge: Polity Press.

“Monument” versus “dilapidation”: the discursive marking of local history as a factor of the “production of space” in Siberian cities (in the example of Irkutsk)

Dmitry Timoshkin

Candidate of Science (Sociol.), Research Fellow at the Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies, School for the Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk). Prospect Svobodny, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation 660041
E-mail: dmtrtim@gmail.com

The article analyzes the practices of the discursive marking of “places of memory” and their role in the construction of urban spaces of Siberian regional capitals. The author describes the areas of high-rise residential development formed in the 19th-20th centuries, defined in Russian urban narratives as the “private sector”. The latter is considered as a “nodal point” in the urban semiotic system. It is shown that some communities consider the “private sector” to be an empty space devoid of established content but which can be filled by implementing their project here. Others, on the contrary, appreciate the local history and the specifics of the place, basing alternative projects on these ideas. As a result, conflicts arise, the specifics of which become an emphasis on the theme of the past: the parties put forward different interpretations of the past and try to make them conventional. The aim of the study is to determine the role of formalized representations of local history in these processes. The article is based on 20 semi-formalized interviews with architects, public figures, local residents, officials, and entrepreneurs conducted in the period from 2017 to 2021. Using the results of these interviews, a hypothesis is formulated according to which the groups involved in conflicts tend to interpret the past as a value or a harmful anachronism, and then achieve the formalization of a version that is favorable to them. The representation of local history reflected in the normative language (the status of a “dilapidated / dilapidated building” or the status of a “cultural monument”) is used as a justification for the project to “develop” the place. The greatest success is achieved not so much by the actor who has managed to formalize

the interpretation of local history that is beneficial to them, but by the one who has retained the ability to ignore the restrictions associated with the corresponding status. It creates a compromise between the formalized and informal languages of describing “memory places”, which ultimately determines their content.

Keywords: Siberian city, monument, private sector, right to the city, urban political regime, memory space

References

- Assman Ja. (2004) *Kul'turnaja pamjat'*. [Cultural memory and Early Civilization], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Barsukova S. (2000) Neformal'naja jekonomika i setevaja organizacija prostranstva v Rossii. *Mir Rossii*, vol. 9, no 1, pp. 52-68.
- de Serto M. (2010) Prizraki v gorode [Ghosts in the City]. *Neprikosovennyj zapas*, no 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/2/prizraki-v-gorode.html>
- Dzhentile Je. (2021) *Politicheskie religii* [Politics as Religion], Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Granovetter M. (2009) Sila slabyh svjazej [Strength of Weak Ties]. *Jekonomicheskaja sociologija*, vol. 10, no 4, pp. 31-50
- Grigorichev K. (2021) Dvojniki-nevidimki rossijskogo goroda: “chastnyj sektor” mezhdub slobodoi i vnutrennim prigorodom [The invisible twin of the Russian city: the “private housing sector” between the sloboda and the inner suburb]. *Ojkumena*, no 1, pp. 7-18.
- Harvi D. (2018) *Social'naja spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the city], Moscow: NLO.
- Hlopin A. D. (2014) Deformalizacija pravil: pricina ili sledstvie institucional'nyh lovushek? [The deformation of rules: the cause or consequence of institutional traps]. *Polis* (Politicheskie issledovanija.), no 6, pp. 6 — 15.
- Jerlih O. (2011) *Osnovopolozhenie sociologii prava* [The foundation of the sociology of law], Saint-Petersburg: Izdatel'skij Dom SpbGU.
- Jorrensens M., Fillips L. (2009) Dzh. *Diskurs-analiz. Teorija i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method], Har'kov: Gumanitarnyj centr.
- Kaluckov V. N. (2013) O tipah rajonov v kul'turnoj geografii [About the types of districts in cultural geography]. *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*, vol. 1, no 2, pp. 3-9.
- Ledjaev V. (2006) Sociologija vlasti: teorija gorodskih politicheskikh rezhimov [Sociology of Power: Theory of Urban Political regimes]. *Sociologija vlasti*, no 3/4, pp. 46-68.
- Linch K. (1983) *Obraz goroda* [The Image of the City], Moscow: Strojizdat.
- Loujental' D. (2004) *Proshloe — chuzhaja strana* [The Past is a Foreign country], Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*, Cambridge: Polity Press.
- Meerovich M. G. (2014) *Rasselencheskaja doktrina Rossii segodnja i 100 let nazad* [Settlement doctrine of Russia today and 100 years ago], Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Prak N. L. (2018) *Jazyk arhitektury. Ocherki arhitekturnoj teorii* [The Language of Architecture], Moscow: Delo.
- Pustovojt A. (2017) Gorodskie politicheskie rezhimy [Urban Political Regimes]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika i menedzhment*, no 3, pp. 9-16.
- Timoshkin D. (2020) «Vas zdes' bol'she ne zhivet»: vnutrennjaja kolonizacija i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutskaja i Krasnojarskaja v gorodskih media [«You are no longer here»: domestic colonization and urban political regimes of Irkutsk and Krasnojarsk in city-level media]. *Politija*, no 1, pp. 98-116.
- Timoshkin D., Grigorichev K. (2022) «Chastnyj sektor» v semioticheskoj sisteme «postsovetskogo» goroda [Areas of single-family houses in the semiotic system of the “post-Soviet” city]. *Ojkumena*, no 2, pp. 138-151.
- Zimmel G. (1898) *Problemy filosofii istorii* [The Problems of the Philosophy of History: An Epistemological Essay], Moscow: Izdanie magazina «Knizhnoe delo».